

Алексей Козлов

Lichtenw Wald

Лихтенвальд
из
Сан-Репы

ТОМ

3

Алексей Козлов

Лихтенвальд из Сан-Репы. Том 3

«Издательские решения»

Козлов А.

Лихтенвальд из Сан-Репы. Том 3 / А. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832699-8

«Лихтенвальд из Сан-Репы» — роман о доблестном Алексее Лихтенвальде, которому помогают высшие силы. Возвращение на родину и новые похождения в компании с Гитболаном и Кропоткиным.

ISBN 978-5-44-832699-8

© Козлов А.
© Издательские решения

Содержание

Нусеква	6
Глава 1. Водворение справедливости и первая раздача слонов	6
Глава 2. Муза странствий	9
Глава 3. Посягновение на святыни	13
Глава 4. Уже в Патерстоне	14
Глава 5. В Летнем Сквере	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лихтенвальд из Сан-Репы
Том 3
Алексей Козлов

© Алексей Козлов, 2017

ISBN 978-5-4483-2699-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нусеква

Глава 1. Водворение справедливости и первая раздача слонов

Никогда не угадаешь того, кто вспомнит о тебе после смерти! Наверняка это будут люди, которые при жизни тебя проклинали!

Патерстон ведь – не Перунов болван, чтобы всем ему кланяться.

Человек, посетивший в Сан Репе одну Нусекву, конечно, может чем-то похвастаться своему приятелю. Посетивший Нусекву и Сблызнов – может считать себя Приобщённым. Но побывавший и в Нусекве, и в Сблызнове, и в Патерстоуне разом – поистине превзошёл самого себя и заслуживает места в Пантеоне Богов. Его можно назвать Неприкасаемым Для Нечестивых. Посетив три эти места, он увидел самое крутое, что есть в благословенной Сан Репе. Вот мы и имеем дело с таким избранником в лице господина Гитболана, которого потеряли на время из внимания, но который в это время внимательно следил за нами из своего бункера.

Патерстоун – город при слиянии северных рек – древняя, прекрасная жемчужина, истинная градостроительная жемчужина, вторая столица Сан Репы. Построенная на болоте лучшими зодчими Европы, она познала времена своего недолгого расцвета, видела времена упадка и к настоящему времени находилась на полпути между расцветом и упадком, не зная, куда направить стопы. Былой лоск имперского города-лагеря, позолота амбициозных зданий, построенных некогда архитекторами-иностранцами, давно облезли. Стропила сгнили. плотники ушли или сгнили в земле без следа. Две войны, прошедшие правда по периметру, город не украсили, скорее наоборот. Но ещё сохранялось понятие «Старый Патерстоунец», под которым понимались те, кто приехал сюда аж целых двадцать семь лет назад.

По мнению аборигенов, вселившихся в город лет двадцать назад из окрестных деревень и уже корчащих из себя коренных Патерстоунцев – осталась великая культура. Мы верим на слово, что культура осталась. Но сколько её осталось, насколько она велика, на этот вопрос никто нам внятно не ответит. Несколько родственников писателя Хрусталева, автора знаменитого романа «Убийство и Тайга», влачащих ныне жалкое существование, группа рок-звёзд, одаривших мир песнями туманного содержания, народный хор в доломанах – вот в принципе и всё!

Зато природа дала местным всё.

Лето. Белые ночи. Прекрасная северная природа. Этого тут так много, что хотелось бы сократить! Кто не хотел бы быть счастливым под светлым северным небом в недолгие дни северного лета? Кто не хотел быть запечатлён на фоне вечной, прекрасной северной природы? Кто не хотел хоть раз увидеть мистического вечернего северного освещения, когда двор залит светом, а на улице – ночь? Кто не хотел бы бродить среди каналов и помоек древнего и прекрасного Патерстона – северной столицы неизвестно чего? Нет таких! И не будет! Все хотят!

Даже Ивен Чутки – Почётный Гражданин города, смотритель царского горшка, депутат нескольких созывов Сейма, невольно восхитился, выглянув на улицу из окна своей квартиры на Фруктовых каналах. Нет, те, кто не хочет жить здесь, те уже давно умерли от алкоголизма и тоски.

Недаром приурочили празднества ко времени белых ночей, хотели благословения природы для мелких людских дел. Юбилей Патерстоуна праздновался по высшему классу. Денег на действо не жалели. Здания в центре стояли со свежесбеленными фасадами, вонючие

помойки прикрывали щиты с улыбающимися девицами, везде латали брусчатку мостовой, золотили купола. Здания стояли с замотанными сеткой мордами. Во дворах вокруг помоек возводили потёмкинские стройки – расписанные гуашью будочки с ионическими капителями.

Очень дорого и долго – делать хорошо. Легче наклеить плёнку на развалину. Лучше спросить совета у находчивого воришки Потёмкина, чем затевать что-то монументальное.

Иностранцы были поражены. В небе плавал дирижабль с сатанинской рекламой на брюхе: «Волшебные луковицы Покусая!», «Жевательный табак с Антильских островов!», «Гуано Фреда Малахова». «Пансион Милы Навзнич. Девчонки что надо!», «Позвони! 3333!».

– Что это значит? – испуганно спросил Кропоткин, воздевая голову к потолку и похожий в эту минуту на главного персонажа картины Кукрыниксов «Конец». – Луковицы? Опять эти луковицы? Что говорите? Девчонки сок выделяют? Милка Навзнич!? Хорватская звезда? Мы где-то это уже видели!? Или слышали! Берегите кошелек! Здесь явно пахнет жареным! Любой может пасть жертвой кровожадных луковиц!

– Молодёжь развлекается! Деньги девать некуда! – ковыряясь в зубах ржавым натфилем, ответил Нерон, – вот и платят юнцы за дурацкие рекламы типа этих. Причём платят отчасти деньгами, отчасти – здоровьем!

Исчадь человеческой природы!
Наивный плебс, плебеи, грязный сор
Под гордыми ленивыми ногами!
Метущаяся чернь в огне времён!
В Мантуе Я был дожем! Крёстным ходом,
Гусиным шагом я марши-ирую
По городу, отлитому из хлама,
пивных бутылок и воспоминаний...
Людей здесь нет! О господи! Не надо
Надежду растревлять, она убита!
Не вижу никого! И ничего!
Неужто я ослеп от жутких бедствий,
Обрушенных на голову мою
Наивным провиденьем? О! Неужто
Я никогда очами не увижу
Живого светоносного начала
Лучей светила под названьем Солнце?
Неужто всё так плохо в королевстве
И не хватает пушкарей на стенах
Родной юдоли – государства мавров?
В том, что случилось, я не виноват!
Скажи, ты видишь, что случилось, брат?

Шар сделал круг и показал лоснящийся бок с новыми словами: «Великий Драчуловский. Белый Мавр. Глотание стаканов и хождение по огню! Горбатые киты и спелые вольтижировщицы!».

– Какие непроходимые проходимцы! – скривился Нерон, – Из железной болванки сок выжмут!

Кропоткин выхватил стило и застрочил по бумаге.

– Круто! Я чего-нибудь замечу и изреку, – сказал насмешливо Нерон, указывая пальцев прямо в глаз Кропоткина, – А он ходит и записывает за мной!

– Таким голосом говорит стерва с жидким пучком на затылке! Ну и что! Ты же не ценишь сказанное! То, что ты что-то сказал просто так – ты бросил в мусорную корзину космоса! Это уже не будет доступно никому никогда и никогда не будет никем повторено! В определённом смысле это безответственность, ибо гениальное и нужное слово, подаренное бесцеремонному и молчаливому космосу, является предательством истины! – отвечал Кропоткин, протирая очки пролетарской фланелью.

– Страна непроходимых проходимцев. Ладно! Записывай!

– Нет! Это слишком на Дармидовича похоже! Или на Шмуйского.

– Чем он занимается на досуге?

– Пишет стихи! Клёкотание глухаря на току! Розы-мимозы. У самцов после сорока такое случается! Вот! Послушайте!

«Меня остановил в предверьи Рая

Упадок сил пред ликом сатаны...

Уставшие бороться умирают,

Презрев свой сан и наложив в штаны».

– Сколько Йов не читал «Библию»...

– А денег у него не было...

– Нет! А у слона яйца больше! Таков правильный отзыв!

– Ха-ха-ха! Натужный смех, переходящий в туберкулёзный кашель, завершающийся кровавым поносом! Не шути так с народом!

– Греческий гульден. Сомалийский экю. Украинский доллар. Эфиопская марка. Ракушки. Баранки. Водка. Пенька. Узвар. Пойло. Сусло. Слова-слова. Зовите на поминки акушера – он вам расскажет, что такое вера!

Глава 2. Муза странствий

Всех позвал ветер странствий и развлечений. И нашу компанию, и тех, кто за ней, высунув язык, горячо и серьёзно охотился.

Вот и Гитболан захотел побродить вдоль засыпанных мусором каналов и подышать холодным выхлопным воздухом имперского Патерстоуна. Рассказы о богатстве тамошних музеев, преподнесённые Нероном и полные дифирамбов с пеной в углах рта великого диктатора, подтолкнули его ускорить приезд. Музеи, а не смешная погоня, которою снарядили вслед Гитболану самонадеянные люди. Погоня окончилась там же в поезде. И окончилась, как всегда, смертью!

А может быть кочевая душа, истомившаяся ожиданием встречи со зловонными боло-тами, наконец решила на то, чтобы осесть в тихой гавани и обрести размеренную, мирную старость вдали от клокочущего жерла государственного вулкана. Быть может, и так. Патерстон, не оспорить, прекрасное место для того, чтобы достойно и уверено встретить благородную старость! Так ли это или не так, никто уже никогда не узнает. Фактом и достоянием общественности стало то, что в канун Нового года Гитболановские ухари проникли в Северную пальмиру и угнездились там. Это стало понятно, когда начались здесь начались узнаваемые по почерку подлянки.

Но вернёмся, вернёмся, друзья мои, в поезд «Сблызнов – Петерстон», где нашла свой приют дружная Гитболановская бригада, и где всё это начиналось.

В соседнем купе в позах рублёвского триумвирата сидело трое граждан. Они были пьяны и расторможены...

Большая чёрная птица безмолвно сидела над большими напольными часами и вращала глазами.

За стеной, в соседнем купе также кипела жизнь. Была большая, но чистая любовь. На продавленной всемирным тяготением и кровавой историей роялистской кровати набатно гремели имперские пружины. Вполголоса работало радио «Сулико», но здесь уже давно вёлся разговор, часть которого могли слышать любопытные агенты.

Первым был слышен голос Нерона:

– ...Вали её на диван и разбирайся по месту! Если она целомудренная аристократка, она даст с радостью. Хуже, если она распутная проститутка. Тогда придётся много поработать языком, чтобы уломать. Но даже уломав, нельзя терять разум и лучше всё равно убежать. Жертва, попавшая к ней в лапы, обречена. Это существо, не знающее жалости! Поверь моему опыту! Уж я знаю, то говорю!

– Разврат! Разврат! Ах, наивность! – горячился наш старый знакомый Кропоткин, размахивая всеми руками, – Вот вы говорите, пяльцы, пяльцы, но мог ли ещё кто-либо, к примеру, подумать, что здесь будет в почёте уличная проституция, а великая комедия Грибоедова «Горе от Ума» будет незаметно удалена из школьной программы! Тостеры-Шмостеры с их вонючими паровозиками и пароходиками из Бабякова и Хрякова там будут, А «Горе от Ума» нет? Что это такое? Разве это не растление? Подтасовка, подмена худшим лучшим – это не растление! А сделано это специально! Не надо рабам читать о свободном человеке, который напрочь отверг ложь и ханжество, имел смелость высказать им всё – лучше кретины пусть на гнилом паровозике катаются из Бабяково в Хряково, хихикают и шерстью обрастают! Так их легче стричь!

– Кропоткин! – сказал крайне спокойно великий магистр Гитболан, пронзая народо-вольца пристальными глазами, я хочу деталей – доложи, что пишут масс-медиа о нашей миссии в Сан-Репе.

– Первое. Появились обжигающие статьи в газетах, где нас называют фашистами, недо-битками, недоносками, отморозками, беспредельщиками. Обычные слова. От населения тре-буется сплотиться и сжать кулаки единения пред лицом невиданной и серьёзной угрозы. Пыта-ются охладить ум и разгорячить сердца этих кретинов! Вспоминают годы второй мировой войны, когда народ был епдин, как скала! Да-с! Всё в таком вот духе. Обзываются. Я уже гово-рил! «Группа маньяков» – самый безобидный из эпитетов! Но я бы не стал обижаться, честно говоря! Из иных уст ругань звучит, как ослепительный комплимент! Есть фотография бере-менной восьмидесятилетней старухи, якобы пострадавшей в Битве при «Праге». Рот во всю полосу! Якобы у неё случились преждевременные роды и всё в таком духе! Правда – всё это враньё! За всю историю человечества не было ни одной Рахили, способной произвести потом-ство на девятом десятке лет. Стыд им глаза не выест!

Второе. У спецназовцев кто-то специально развязал языки, и они рассказывают направо и налево про наши ужасные нравы. Какие мы безжалостные и дикие! Призывают нас уничто-жить поскорее! Да-с! Стараются представить нас в смешном и отвратительном виде...

Брови Гитболана поднялись.

– ... В Нусекве на досках, где до этого висели сатирические плакаты, демонстрируют фото обгорелых геев, ужасная картина! Не знаю, поверите или нет, увидев плакат, я плакал, шеф! Рыдал, как школьник! Геев жалко! Птичку жалко! Себя жалко на их фоне! Жёлтая пресса смакует детали! Полный обсос! Я трепещу!

И Кропоткин захныкал и стал ковырять пальцем в носу.

– Ближе к телу, Ги! – вернул его к реальности Гитболан, – что ты хотел этим сказать?

– Да так, ничего! Продолжаю-с! Позвольте доложить дальше? Третье. Был репортаж из психиатрической лечебницы, где приходят в себя сотрудники «Сбербанка», почувствовав-шие наконец-то на своей шкуре, что такое несправедливость. Старичок с ума сошёл, что-то на пальцах показывал врачам и пускал пузыри изо рта. Наши уроки не прошли бесследно! Может быть, в сердцах пострадавших пробудятся естественные, и я бы даже сказал, человече-ские чувства сочувствия к ограбленным им?

– Ну, это уж навряд ли! Банки и выдуманы, как тихие грабители под видом радетелей! – сказал Нерон.

– Так дай же отпор клеветникам Сан Репы! Не зли меня! Кинь им новую дезу на радость! Запусти им петарду! Я не хочу, чтобы на свете жили столичные люди, называющие меня отморозком! Я не хочу чтобы они испускали дух естественной смертью под нянюшкины колыбель-ные! Убей их!

– Так точно, сэр!

Забегая вперёд, скажем, что Кропоткин исполнил своё обещание и дезуху запустил и в качестве добавочного блюда откусил голову у нескольких журналистов. Уже на следу-ющий же день по центральному телевидению астроном, а также записной астролог Феликс Смешанский заявил, что по его сведениям и положению планет никаких таинственных сил в истории с пожарами, гостиницами нет, всё это разборки враждующих кланов, и вообще – хватит искать мистику там, где её нет. Морда у обозревателя была серьёзна до предела. Кирпич в очках. Он целый час возил указкой по графикам, убеждая зрителей в разгуле краевой пре-ступности, которая заинтересована в том, чтобы прикрыть свои преступления какой-нибудь мистикой и чертовщинкой. Но вот ..... вам!

«В городе Долинске убит губернатор Севрюков. К нему подбежал пятилетний бойскаут с букетом роз, вырвал чеку и взорвался. Мальчик был роботом со взрывчаткой в брюхе. Дети – наше будущее! Для губернатора Севрюкова – теперь уже прошлое!».

После астролога пошёл английский фильм про древнюю историю. Динозавры гонялись друг за другом.

«Народы моря ворвались в Семивратные Фивы и разграбили их».

Потом прокрутили предвыборный ролик каких-то козлов...

Гитболан, посмотрев всё это, отправился в свой призрачный покой отдыхать.

В соседнем купе гремела беседа:

– ...Слёзы высохли на её глазах!

– А он?

– А он обоссался!

– Как ёжик в тумане?

– Как ежик! В тумане?..

– Убью, если врёшь!

– Чистую правду говорю!

Надо сказать, что ещё вечером Кропоткин заметил наблюдение за купе. Не то, чтобы было какое-то явное внимание, просто он почувствовал слежку.

Тут же в узком коридорчике явился покорёженный судьбой бомж с завязанным изоляционной лентой глазом, развернул фронтную трехрядку, раскрыл зловонную пасть и завопил, как корову в зад целовал:

Ехали мы в Питер на баркасе!
Злая лебеда цвела кругом!
Раскроили череп дяде Васе
Киллеры тяжёлым утюгом!
Эх, любимая сторонка!
Дорогая сторона!
Стодюймовая воронка!
Рюмка выпита до дна!
Ехали мы в Питер без Васюхи!
Он лежал в осиновом гробу
И серьга в его дубовом ухе...
Ух-ху! Ух-ху! Ух-ху! У-ху-ху!
Ехали мы в Питер на баркасе!
Злая лебеда цвела кругом!
Раскроили череп дяде Васе
Киллеры железным молотком!
Раскроили череп дяде Васе
Киллеры свинцовым долотом!
Киллеры железным утюгом!

Агенты тут же его вывели для выяснения личности, но он испарился.

А потом появился развязный тип, что-то пытавшийся якобы впарить. Не получив в первый раз удовлетворения, он ушёл, и все полагали, что он больше не появится.

Усатый подонок меж тем не угомонился и всунулся с другой стороны двери.

– Омолаживающие фекальные кремы, сударь! Продаю! – хрипло прокаркал он в дверь, как команду в армии. Сзади пристроился ещё какой-то тип, видимо, помощник, изящный горбун лет нескольких.

Нерон расцвёл.

– А-а! Знаем, знаем! – сказал он голосом, от которого мало кто мог ожидать хорошего, – Панацея от всех болезней – «Нун-Нун» – «Кидоин» делается на основе лапок гигантских африканских тараканов? «Анусин» – на основе лепёх гаитянских кроликов? Уникальная технология приготовления в желчи слона и сперме комодорской жабы? Многовековые традиции использования? Мудрая дозировка делают препарат незаменимым средством от рака, гемор-

роя, желтухи, и ещё 132 смертельных болезней? Попутно он выводит камни и распускает почки? Есть обнадеживающие результаты лечения СПИДа. Не так ли? Вах-вах-вах! Молодые люди! В школе поди учились! стыдно!

Он укоризненно покачал головой, а потом с пушечным звуком захлопывающегося гроба закрыл дверь.

– Педаголик и Филопед! Тяжёлое детдомовское детство! Слезы в темноте! Розги мачехи? Комплекс Золушки! – отметил Гитболан, – Пришли вынюхивать! Слухачки!

– Ходють тут всякие слухачи! Вынюхивають! Как бы чего не вышло похлеще! – пророчески проронил Нерон, пытаясь пристроиться к убитой подушке, – Придуть через два часа! Кодлой!

– Недавно был скандал в госпитале, – сказал Кропоткин, озабоченно потирая кошачьи усы, – Врач обследовал девиц и всем им ставил диагноз – рак. После этого он направлял их в свой кабинет, где им делали радиацию и химеотерапию за бешеные деньги. Были смертельные исходы. Потом оказалось, что рака не было и в помине, а больные загнулись не от рака, а от химеотерапии за бешеные деньги. Им насильно или обманом продали совершенно ненужный и даже вредный для здоровья товар. Так мы живём и лечимся! Таковы нравы Вороньей слободки! Этот врач по наущению Гиппократы считал своим долгом торговать смертью! После этого жить стало лучше, жить стало веселее!

– Его поймали?

– А что толку? Дело сделано! Никого уже не возвратишь с того света!

– Смерти бывают разные! Я знавал одного человека, который... Ну, в общем, причиной его смерти было самомнение... Он занял денег у сатаны и не возвратил.

– И что же сатана с ним сделал?

– Заставил купить ядовитый кактус и жить с ним.

– Только то и всего?

В радио начинался концерт индийской музыки, а так как возможности выключить радио не было, Нерон заткнул уши простынями и истошно закрыл глаза. Это помогло, но не надолго.

Глава 3. Посягновение на святыни

В час двадцать ночи по узкому коридору шестого вагона с двух сторон к двадцать четвёртому купе неслышно подошли восемь человек и заняли положенные по инструкции места. Послушав, что происходит в купе, и, убедившись, что все либо спят, либо купе пусто, человек в сером вязаном свитере – главарь группы что-то шепнул своему коллеге на ухо, указал куда-то на небо пальцем, вынул инвентарный железнодорожный ключ и неслышно повернул его в отверстии. Убедившись, что дверь отперта, он на секунду приложил руку к губам, прислушиваясь к звукам в купе, а потом дал стартовую отмашку.

Резко рванули дверь и впрыгнули внутрь. Ворвались агенты и – отшатнулись: в узком пространстве, лишённом все положенных в купе поезда полок и столиков, один за другим, висело на верёвках впритык пять трупов. Было видно, что трупы были не только мужчин, но даже – женщин и детей. Странно, но было видно, что трупы висели здесь очень давно, они успели покрыться зелёными пятнами и сладостно до рвоты смердели. В углу стоял немецкий рюкзак и закопчённая фасция, захватанная снизу руками. Гражданин в свитере, ворвавшийся в купе первым, по инерции уткнулся в живот висевшего впереди толстяка в тоге, и тот развалился на куски, и на полу превратился в гигантскую кучу мокриц и пиявок, которые стали тут же разбегаться. Одетый в свитер начальник с отвращением отхлынул и поддался назад с перекосившимся лицом. Агенты захлопнули дверь и стали негромко переговариваться, с тем, чтобы решить, что же делать по такому случаю. Когда они до чего-то договорились и снова стали дёргать дверь, она оказалась заперта внутри.

– Что видел, Нерон? – спросил не выспавшийся Кропоткин утром, вытягиваясь, как гитана.

– Сны были ужасны! Грибной день. Всю ночь лил дождь. Всё утро палило солнце. Весь день спал и видел кошмары один другого мерзее. Грибники. Приезжие. Специалисты по бледным поганкам.

– А я спал, как пришибленный! А нас чуть не взяли, между прочим!

– Не продохнуть! Одни стукачи! Шестигранник им в задницу!

Глава 4. Уже в Патерстоне

В этот день из скорого поезда, прибывшего в Патерстон из Ледзепелинска, вышел высокий человек в восточной хламиде и белой шапочке. Кучковавшиеся под железным навесом пассажиры своими завистливыми глазами отметили не только его статную фигуру и высокий рост, но и поразительное сходство с безуспешно разыскиваемым по всему миру террористом Осамой бен Ладеном. Те же пронзительные глаза пророка, призванного в мир искоренять мерзость, те же благородные пропорции, то же осмысленное выражение правильного продолговатого лица. Только уникальные венские усики контрастировали с общим видом приезжего и напоминали о его настоящем виде. Ему несомненно более пошёл бы венский шитый костюм, чем эта восточная распашонка.

Поезд, из которого высадился белоснежный тип вместе с двумя коммивояжёрами, ни черта не понимавшими на тёмном сан репейском языке, издревле имел дурную славу средства передвижения, привозившего в столицу не только дёрганных чернявых людей, но и белоснежные наркотики.

Низкие чёрные тучи обложили город со всех сторон. Сыпал холодный дождь. Несколько раз в течение дня было дано штормовое предупреждение.

Кропоткин был взволнован.

– На меня было покушение! Сначала подсыпали какой-то гадости в шнапс, хлороформа, наверное, а потом метнули в меня томагавк! – сыпал он словесным горохом.

– И каков же результат покушения! Ты же жив? – недовольно отвечал Нерон, – Стоит ли огорчаться неудавшимся покушениям и пустым лотерейным билетам?

– Пока да! Томагавк только скользнул по моему черепу, вернулся к хозяину и снёс ему беговую голову вместе с фуражкой. Это просто удача! Я заговорён своим амулетом – скальпом индейского вождя Унчо-Пунчо!

О как! А у меня ещё хуже – давеча был тет-а-тет с верующим человеком. Незадолго до нашего отъезда иду это я по улице, и тут ко мне бросается прилично одетый человек с кипой бумажек. Я опешил и позволили ему высказаться. Оказалось – иеговист и чаёт подискутировать по вопросам веры. Я слушал молча его трескотню. Иеговист продолжал напирать. Тогда я стал нахваливать его самого и его бога, чтобы он отстал. Вы, говорю, конечно, мне очень нравиться тем, что вам не нравится официальная церковь. Он расцвёл, как пышная роза, а я добавил: «... но вот в чём дело... мне не нравится сам Христос! А об этой модернистской религии я даже говорить не хочу!» Вы бы видели, как стремительно он убежал! Дурють нашего брата! Дурють!

Около вокзала стояли щиты с наглыми цветастыми рекламами. Человек-сэндвич был облачён в дубовый гроб. Он постоянно вертелся и изрыгал, нет, не проклятия, скорее слово-слова.

– Заряжаю кремы! Кремирую на дому! – кричал он. – Фирма «Эдельвейс». Крем от загара! Крем для загара! Просто крем!

– Не по душе мне эти разговоры! Куда мы попали? – сказал Кропоткин, тревожно оглядываясь по сторонам. Это похоже на то отхожее место, из которого мы только что уехали!

– Ну, на этот вопрос есть вполне определённый ответ, и он состоит в следующем: это столица в прошлом. Здесь в скромной, ничем не ограниченной роскоши размножались цари и клонировались орды чиновников. Пукнуть нельзя было, чтобы не попасть либо в царя, либо в чиновника. Потом царям дали по шапке. И поделом, потому что ничего общего их правление со справедливостью и честью не имело. Тут была страшная смута, сопровождавшаяся массовым избиением населения. Город погрузился в средневековье и на время обезлюдел. Сегодня это – захиревший областной центр, не утративший, однако же, кое-каких амбиций, ни на чём, впрочем, не основанный. Ему не отказано в сомнительной чести считаться культурным цен-

тром страны! Но... Деньги, батенька, деньги! Их нет! Финансовые потоки огибают это место стороной, как проклятое! Деньги не терпят разговоров о культуре! Без них разговоры о культуре напоминают разговоры о желательности оживления Лазаря, наобум! – отвечив ему Нерон, вытирая ладонью лоб.

Гитболану втемяшилась блажь увидеть, как путешествует народ, и он в числе последних втиснулся на остановке в жёваный немецкий автобус.

Покою здесь не было.

– Можно на ветеранское место? – сразу же завопил белый старикан с всклокоченной шевелюрой из-под накренившейся фуры и булавочными глазами – мечтатель о социальном реванше и общении. Он затрясся и задрал непобедимый наполеоновский кадык к глухому потолку. Седые волосы ветерана вздымались коком над его героической головой, а сверху головы набекрень сидела борзая в прошлом полковничья фуражка, с пятнами в тех местах, за которые её хватили каждый день. Он с ходу вступил разговор с водителем о подлости нового времени, клянясь каждую секунду, что компрадорский режим, объявивший его страну, слава богу, скоро рухнет. Орал он почти во весь голос, как будто наслаждаясь последней возможностью блеснуть ускользнувшей властью над умами слушателей.

Да, ветеран был с перевязанной головой и торчащими кавалергардскими зубами. В руках у него была суковатая палка с набалдашником в форме корня мандрагоры. Своей палкой он бил в пол поношенной машины с такой силой, как будто хотел её разнести вдребезги.

– Нельзя! Не положено! – не поворачивая головы, брезгливо сказал бритый водитель, – Занято! Восемьдесят человек в сутки бесплатно ездят! Подождёте! Я вам не собес!

– Как занято? Как занято? – загорячился ветеран, – одну остановочку? Ну?

Ему трудно было поверить, что такой бравый воин, как он, не заслужил права на бесплатный проезд в раздолбанном дредноуте.

– Нельзя! – сказал водитель, – Не положено!

– Ах, так? – возопил заслуженный старик, защитник родины в метровых эполетах, оскорблённый до глубины души, – Ах, так!

И сделал вид, что будет мстить.

Этот старый пентюх совсем из ума выжил.

Но с подножки не соскочил, рукой продолжая цепляться за поручень.

Не получив разрешения на бесплатный проезд, ветеран, проехал две остановки и выскокил около цирка, не поблагодарив, прямо под колёса грузовика.

– Когда я был в Вене, – перевёл стрелки разговора Гитболан, наблюдая диспозицию, – какой-то мерзкий пуантилист увёл мою лучшую картину! Я сомневаюсь в высоких моральных свойствах большинства художников и военных. У них не может быть моральных свойств! Новые поколения смотрят на мир своими глазами! Это взгляд интереса, но не истины! Истина вообще никого не интересует! В этом и есть основа природы, что она смеётся над всем сущим и ничему не даёт вечного простора! Но тех, кто нарушает законы природы, попирает исконную правильность мира, тем грозит то же, что случилось с этим ветераном – они попадают под колёса Провидения!

– Шеф! Я лучше анекдот расскажу! Двое мирно идут по городу, а мимо пробегает человек с рулём в руках, крутит его, щёки дует и орёт: «Садитесь на мой «КАМАЗ»! Подвезу!

Они смотрят на этого психа и мирно отказываются, ездай, мол, дальше. Тогда водитель «КАМАЗа» вынимает из-за спины обрез и говорит:

«Все в „КАМАЗ“! Быстро! Пристрелю!».

Делать нечего, двое пристроились сзади сумасшедшего с рулём и бегут по улице гуськом. Все устали и хотят уже пить и есть. Вдруг видят пост милиции. Они обрадовались, что избавление близко.

Из поста милиции выбегает милиционер с дубиной и останавливает психа с рулём.

«Почему скорость нарушаешь? Где права?» – спрашивает он у водителя «КАМАЗа».

Псих вынимает права, путевой лист, и подаёт их милиционеру. Тот посмотрел и говорит: «А в кузове почему люди? Кузов не приспособлен!»

– А это, – отвечает сумасшедший, – пассажиры. Я ребят до города подбрасываю.

– Не надо! – говорит мент, – Я их сам на мотоцикле подброшу! Один – за спиной, другой – в люльке!

Смотрят, а в руках у мента руль и пистолет.

Побежали они теперь за ментом, один сзади, другой сбоку, вприсядку. Согнутый пот со лба вытирает и говорит: «Лучше бы на „КАМАЗе“ доехали!»

– Нерон, – сказал Гитболан, – ешь творожок! Прошу тебя! Кстати, ты заметил, сколько тщательно следовало бы заняться этим старичком...

– Да знаю я этих липовых генералов! Здесь уже нет столько свадеб, сколько генералов к ним! Вы их гнали в своё время, как облупленных! Да и генерал ли это? Я вовсе не уверен! Если ты надел генеральскую форму, то из этого вовсе не следует, что ты генерал!

Гостиница «Альпийский клуб» найти было легко, труднее – поселиться в ней. Уже летели по благословенной Сан Репе запоздалые предупреждения о появлении компании разбойников, неразборчивых в средствах и крайне жестоких. Уже был объявлен розыск преступников по всем весям. Уже стало известно, что ни от кого не прячься, среди белого дня бандиты погрузились на скорый поезд «Сблызнов-Патарстон». Все знали, что, как ни странно, они благополучно прибыли в конечный пункт. Тут потерялись их следы. Неусыпная стража знала по прошлому опыту, что не будет главарь банды и его подручные прятаться по подвалам, а поселиться, как обычно на самом виду. Стали проверять дорогие гостиницы в городе и быстро нашли, что искали. Оказалось, что появились два человека в «Английском клубе», но никакой ни рослый аристократ с усами и бритый толстяк, а совсем наоборот – высокий бритый здоровяк с фиксой и худенький коротышка, похожий на детдомовского мальчика, с бородой и усиками. Но и этого было достаточно: все уже знали фокусы Гитболана и его способности к мимикрии.

Те, кто выслеживали, к вечеру следующего дня были в номере. Горничная, подосланная к двери, не дождалась ответа, открыла дверь своим ключом и группа захвата ворвалась в холл с высоким потолком и окнами от пола до потолка. Применять оружие и спецсредства не пришлось.

В номере работал душ и телевизор, но никого не было. Только на шкафу сидел равнодушный семисотлетний филин, вращая гигантскими глазами.

Осмотрев помещение и, естественно, никого не найдя, полковник Дупль и его ребята опечатали вход и ушли восвояси. Ушли ребята огорчённые, так и не поняв, что им была подарена жизнь.

А в это время в большом царском дворце, в спальне последнего императора Гитболан распаковывал свой чёрный кожаный чемодан, одновременно наблюдая за движущимися картинками на поверхности хрустального шара. Нерон то и дело сжимал кулаки и умоляюще поглядывал на Гитболана:

– Ну, пустите же! Пустите меня! Они не будут мучиться! Гарантирую лёгкую смерть! Шеф! Ну?!

Но ему не разрешили.

Грусть была разлита в воздухе. Кропоткин рассматривал на стене календарь за девятьсот пятый год, и что-то высчитывал на пальцах.

– Хочешь, свои новые стихи почитаю? У меня есть удачи! – голосом гимназистки спросил Нерон.

– Хочу! – лживо ответил Кропоткин, чтобы не огорчать друга.

Встретив благодарного собеседника, Нерон возбудился, взял его в оборот и с интимными интонациями в голосе стал посыпать его дихлофосом своего вдохновения.

– Александр Иванович! – сказал Нерон, впервые называя Кропоткина по имени-отчеству, – Этот город всё-таки удивителен! Не успел я преступить его границ, как музы вошли парадным строем в моё сердце! В сердце заварилась пурга чувств! Вот слушайте! Это родилось сейчас! Я боюсь забыть! Новое! Сочинение называется «Чета»!

– Давай! Заноси! – сказал Кропоткин и подпёр щёку кулаком.

– Как умопомрачительно она
В своём изрядно драном пеньюаре
Взыскует вкруг следы веретена!..
А он в шлафроке спелого говна
Наяривает костью на рояле.
Гармонии былой простыл и след.
Ямб выродился в хор, хорей – в гекзаметр,
И уж не дрожит по старинке дед,
Заглядывая в форточки кунсткамер.
Он мается задором молодым,
Она толчёт сухую воду в ступе,
Она пьяней, чем предрассветный дым,
А он хорош, увы, почти, что в дупель.
Что пожелать им? Сдохнуть от тоски?
Забиться анашой под сенью храма?..
Она его таскает за грудки,
А он клянётся ей детьми и мамой.
Торжественно в лесах звучит рефрен...
Им – скучен ритуал, другим – наука:
«Когда ты, наконец, подохнешь, хрен?»
«Да провались ты в твердь земную, сука!»
Венками изошёл и пал сонет.
Ямб выродился в хор, хорей – в гекзаметр
И уж не дрожит по старинке дед,
Заглядывая в форточки кунсткамер... Конец!..

Вкратце – о чём эта вещь? Эта вещь о строительстве этого грёбаного Патерстона, о героизме этого квёлого народа, о многом таком, что не находит отражения... Поэма называется «Призвание». Как? Свежо?

– Стихотворение? «Призвание»? «Чета»? В трёх десятикнижиях с эпилогом и хореографической группой безногих пигмеев? Свежо! Пастозно! – пародированным голосом скомандовал Кропоткин, не склонный к неуместной натурфилософии и кабинетному словоблудию во вшивых университетах, – Тема стихотворения, как я полагаю – соитие мужчины и женщины, а также дружба инородцев. Объявляла Анна Мари Чехова, шпионка всех спецслужб мира! Начинай! —

– ...Народ уж полнится рыданьем,
Народ кипит, а царь идёт
Заняться самобичеваньем
И стрижкой попранных бород!
О, как он верил в эти выи...
В ланиты, перси...

– Голову даю на отсечение, рифма – голубые! – прервал его всё более разрушительное по своим последствиям выступление Кропоткин, – По части рифмоплётства, ты – дока! Герман! Спаси меня! Он взялся за хорей и амфибрахий!

– Молчи, червь! Слушай!

...Грохочут танки, пушки бьются,
По берегам реки несутся
Неугомонные бойцы,
Подъяв к богам свои концы...

Как? Хорошо!

– Хорошо! Концы, подъятые к богам – это круто! Особенно мне понравилось, что у тебя бойцы несутся. Ты вывел новый биологический вид бойца. Бойца нового времени! Он живёт в курятнике, кладёт яйца на алтарь родины, обращает детородные органы к своим богам и в солдатском довольствии не нуждается. Крыльев у него случайно нет?

– Прекрати свои дурацкие шутки! Слушай лучше!

– Нетушки! Я лучше сам прочитаю твои новые вирши!

Наденька! Наденька! У тебя улыбка гаденька!
Наденька-Надюха! Порванное ухо!
И чернее ночи
Выдранные очи!
Надиола! Надька! На закорки сядь-ка!
Я – Папанин! Ты – Маманин!
Сталин, Висмут, Чугунов,
У меня дыра в кармане
И резинка от трусов!

А вот стихотворение в староанглийском стиле:

Отец Маккензи
Нашёл старуху в пемзе,
Запутавшейся в чётках и слезах!
Она болела
И то и дело
Все таяла у фазы на глазах...
Старик Макке-ензи...

– Ты, Нерон, – почесал голову Кропоткин, – когда пишешь, думай головой! Думай лучше головой! А то и до равелина дойдёшь!

– Я не пишу! Я вдохновляюсь! Нет, на сегодня хватит! Больше тебе, ретрогад, читать не буду! Ты готов помочиться от злобы на всех семи углах моей словесности! Ты готов порешить китов, на которых основана сфера моей творческой свободы! Хорошего не должно быть чересчур много! Иначе жизнь потеряет всякий смысл и цену. Должен быть контраст...

Нерон сгрёб лапой разбросанные по столу листки и гордо отбежал с ними к окну, где быстро рассовал их по карманам. А рассовав, успокоился и даже заинтересовался чем-то на улице.

В это же время на стройке за забором, дёргаясь, как паралитик, работал подъёмный кран. Всю ночь там промышленным способом воровали строительные материалы.

– Не дадут покою! Не дадут! – глядя на улицу, твердил Нерон, расплющив нос о стекло императорской форточки, – Мне тоскливо здесь! Душа моя холодна! Я никому не нужен!

– Как там Лихтенвальд без нас? – задумчиво процедил Гитболан, – Я боюсь, как бы он не принял постриг на горе Синайской, ибо он одинок среди людей, и его не издаёт «Галлимар».

– Какой «Галлимар»? – удивился Кропоткин.

– Галимый! Вот какой! Издательство мутное да галимое во Франции есть! «Галлимаром» называется! – пояснил Нерон, – Без денег кончается, на «Г» начинается. Издаёт всякую всячину вдругорядь и вскладчину! Мемуары дворников, надворных советчиков и див полусвета! Впрочем, в своё время они издали несколько неплохих романов.

– Чтобы у всех этих америкашек повылазило! – неожиданно сказал рассеянный к словам Кропоткин, – Надоели они со своей брехнёй! Люди из полиэтиленовых бутылок! Они и на свет появляются в полиэтиленовых бутылках!

– Чёрт с ним, с этим «Галлимаром». Что нам в нём пользы? Отдохлой лошади и то больше пользы! Ту хоть ободрать можно! – присоединился к Кропоткину римский диктатор, актёр и неудавшийся тиран, – Что мне делать с плохим настроением? Не могу я здесь больше, шеф! Угнетают меня эти бесконечные жулики и проходимцы! Эти тяжкие для жизни города! Всё надоело! Смиренье покрыло Кротость, и у них родилась дочь по имени Душевная Плесень! Напьюсь! Скверное вино «Северное Сияние» отвратит меня от закисших христианских добродетелей. У меня есть книжка мемуаров генерала Маннергейма! Можно выкрасть в библиотеке мемуары Эриха фон Манштейна. Тоже стоящая вещь! Буду читать! Буду шить сарафаны, мать их, из ситца! Христиан почти не трону, так, для проформы передущу тысяч десять! Христиане могут пока спать и исповедываться спокойно!

– Штейн! Манштейн! Тянет тебя на всякое старьё, – бурчал Кропоткин, поглядывая на Нерона с тревогой, – От его линии уже ничего не осталось, кроме дюжины сгнивших надобов и нескольких кукушкиных гнёзд на ёлках! А ты всё Маннергейм да Маннергейм! Почитай лучше Плутарха, мать его! Душа отдыхает, когда читаешь Плутарха! Ничего не понятно, но какая музыка! Узнаешь много из сельского хозяйства! Мёд души!

– Да! Плутарх! – мечтательно произнёс Нерон, – Плутарх! Бастард из бастардов! Мама любила его поучительные басни! Однажды свёкор, пыжась под сосною, набрёл на водолаза ввечору и стал его охаживать плюсною... Ладно! Загадка на засыпку! На лыжах катается, на «п» называется? Что это? – обратился к потолку Нерон.

– Педофил?

– Нет! Не угадал! Три балла!

– Президент?

– Теплее!

– Вторая загадка! Пьяный с ракеткой болтается, на «б» везде называется?

– Биде? Угадал?

– Как бы не так!

– Буржуй?

– Загадка третья! На засыпку! Везде употребляется, на «х» называется?

– Ладно, хватит? Ты меня достал своими безумными загадками, сфинкс! Употребил свой энтузиазм на что-нибудь полезное! Займись, к примеру, охотой на китов! Гарпун наточи! А теперь последнюю загадку задам я...

– Ну!

– Что плохо пахнет, делая белей любую ткань и платье королей?

– Краска?

– Сам ты краска!

– Сперма, что ли?

– Сам ты сперма! Хлорка!

– А-а! Глупы твои загадки, Сфинкс!

– В Германии тридцатых годов все показывали свои худшие стороны – и немцы, и анурей, и славяне! – меланхолически заметил Нерон.

– Философ! Включу тебя в «Книгу рекордов Пениса». Откуда там оказались славяне? Их там было не так уж и много!

– Не надо! Ви ест мо хлеб! Ви пит мо пив! Факин френд! Сколько книг вокруг меня, затемняющих мои мозги, толкающих меня к пустопорожней тарабарщине. Сколько людей, близких мне по крови, обмануты и приведены в замешательство и уже сами готовы обманывать других. Уму непостижимо.

Внезапно со стороны открытого окна донеслись крики. Кропоткин высунулся и стал смотреть на происходящее внизу.

– Что там? – спросил Гитболан.

– Что это? – поддакнул Нерон.

– Праздник Первой борозды! Старинный обряд дефлорации. Я собирался писать по этой теме диссертацию в Сорбонне...

– Война помешала?

– Дураки-анархисты помешали! – раздражился Нерон, – Козлы-народовольцы, сви-
ньи-революционеры, разнохиватели жареного, потрошители краденого, соискатели порче-
ного! Гнилоеды! Любители петь мерзкими голосами! Внебрачные дети двойного стандарта!
Вдовы истины! Антихристы и подонки! Страна погибла от подтасовки и тихой измены!

Кропоткин расчувствовался.

– А что это там творится на бульваре Первого Поцелуя? Мальчики какие-то! Кровавые!
В глазах!

– Опять ср... порознь выстроились за президентской добавкой! В белых рубашечках,
с барабанчиками – лояльность демонстрируют! Тьфу, гниль! Выборы на носу, вот они и суе-
тятся, массовку создают! Консенсус! Консенсус! Научились-таки умные слова произносить!
Твари! Выползки!

– Ср... порось? Оригинально! А не прекратить ли нам эти хождения в народ? Как ты
думаешь, Нерон? Эти ребята мне не очень нравятся! Зомби какие-то! Песенки дурацкие.
Пустые глаза. Майки с портретами какого-то крошки Цахеса... Яппи, мать их в ёп!

– Айн момент! Я угадываю ваши мысли, шеф! Вы не против, если в этом историческом
городе появятся ещё сорок новых скульптур работы божественного Альдо Дрестини?

– Не против!

– Считаю до трёх! Айн! Цвай! Драй! Фюр! Фикст! Зиг! Зебен! Фак!

Крики тотчас стихли, и вокруг внезапно замерших активистов стала собираться толпа.
Недвижные и холодные мраморные люди застыли в разных позах, одни, повернув голову к сво-
ему начальнику, другие – наклонившись. Толпа сначала подумала, что это шутка продвинутой
молодёжи, а потом всё поняла и без слов разбежалась. Жизни в застывших фигурах не было
никакой. В лицах застыло выражение невиданной муки. Фигуры же были изваяны настолько
совершенно, что зрителю не могло не закрадываться сомнение в том, что это дело рук челове-
ческих, а не потусторонних сил. Даже плевков, вылетевший изо рта демократа-курильщика –
и тот был запечатлён в мраморе.

Нерон и Кропоткин схватились за руки и пустились в пляс.

– Я Папанин! Я Маманин! А я маленьки такой!

– Прошу любить и жа...

– Жаба! Пойман! Вор!

Окончив беснование, Нерон, сопя, высунулся из окна и стал наблюдать происходящее
в корабельный бинокль.

– Что видно, Монтигомо Воробьиный Член?

– Фаллические протуберанцы в полярной области Марса. Кислотные дожди на Венере. Флуктуация отдельных чёрных дыр! Обнаружена одна огромная планета сплошь изо льда! Плешивый ..... на полярной шапке Юпитера! Бомж помочился на кошку! Спроси, что слышно!

– Что?

– Пьяные женские крики со всех сторон. О, это совсем интересно!

– Что?

– Не скажу! Веду наблюдение! Снимаю показания! Пока ещё рано докладывать научному сообществу! Мне показалось, в космосе я видел гигантский живой организм! Ягодицевидный сгусток белка!

– Не может быть! Ты преувеличиваешь, как всегда!

– Отнюдь! Преуменьшаю!

Кропоткин загрустил.

– Я не люблю расставаться с отживающим, привычным! Со старыми вещами, с родителями, со временем! Когда старая вещь выходит из строя или крадётся у меня, я испытываю дикую злость. Я испытываю дикую печаль. Убивал бы всех за это! Но время, я знаю, расстанется со мной легко! Ему никого не жалко! Нерон! – сказал донельзя грустный Кропоткин, прислушиваясь к скрипам в полах, – Нет у нас детишек! Некого к сердцу прижать на старости лет! Давай возьмём на поруки негра из лепрозория... Или пуэртиканца из тюрьмы штата Айдахо! Или кога со стригущим лишайём между ушами! Не спорь! Подумай! Я его буду нянчить в гамаке и пороть крапивой, а ты – читать ему Плутарха и драться с ним на ринге железными дубинами! Давай возьмём! Чем чёрт не шутит! Может быть из него вырастет новый Ньютон или Эйн-Цвейн-Дрейн – штейн.

Нерона передёрнуло так, как будто в него попала разрывная пуля дум-дум.

– Ради Аллаха! Не надо Ньютонов, а тем более всех остальных! Не надо! А тем более Эйнцвейндрейнов! Я беру тайм-аут! – сказал он.

Кропоткин, прямой и не по годам бледный копался в вещах, и всё что-то выискивал в них.

– Что он делает? – спросил Гитболан, наклоняя голову, – Он явно что-то замыслил.

– Я его спрошу! Кропоткин, ты что задумал?

– Одну коричневую штормовку и пойду по городу блядовать... Выгодное дело! – он вынул из какой-то ветоши довольно-таки побитую скрипку и стал вращать её над головой, – Вот! Страдивари! Подарок суфразистки за мою неутомимость. Она в свою очередь позаимствовала эти дрова в музучилище имени Мола Гнилоу. С женщинами иногда выгодно иметь дело! Они помнят уроки любви и делясь подпрелостями, одаривают потом гнильём!

– ...с фонарём в заднице он бродил по улицам чужого города и иногда выл по-волчьи! – осклабился Нерон, – Искать себе на это место приключений! Философа-дилетанта потянуло на места преступлений юности. Обещанка – моя манка! Давай-давай, сынок! Дерзай по-хорошему!

– Э-ех! Нет в вас ничего высокого! Ничего святого! Я людей ищу!

И Кропоткин выдал какую-то совершеннейшую цыганщину, не заботясь, как себя чувствует в гробу маэстро Страдивари.

– Хватит! Хватит! – сразу закричал Гитболан.

– А-а? Ну, давай! Бруши! – поддакнул ему Нерон, – Может, кто и отыщется! Иногда в навозе попадаются такие жемчужины, что дух захватывает!

– Нет! В этом что-то есть! – мечтательно промолвил Кропоткин, – Пойдём блядовать вместе! Чем чёрт не шутит! Ты ж видишь, куда мы попали! На Сатурне и то больше жизни, чем здесь! Мы должны научиться сами себя развлекать и тем спастись от сумасшествия!

На этом разговор небожителей завершился.

– Ну! Блядовать, так блядовать! – погрозил кому-то неизвестному Нерон, – Теперь будут блядки без оглядки!

Глава 5. В Летнем Сквере

Летний Сквер был залит весенним солнцем и радостен, как щенок. В гигантской шляпе аля Pushkine на скамье сидел стройный джентльмен с поднятым воротником. Недалеко в песочнице копалась пара белых карликов, постоянно ссорясь и выражая недовольство резкими визгливыми голосами. У обоих было по два больших торчащих зубы спереди и они были чрезвычайно похожи на кроликов, сбежавших с фермы. Милиционер тронул гражданина за плечо, и в глаза его взглянула натуральная обезьяна в бакенбардах, которая тут же заорала ему в лицо:

«Ждут меня золотые дни,
Очи васильковые,
А сейчас кругом лишь пни,
Да и те – х...е! Не замай, шустрик!»

Милиционер потребовал у разнузданного типа документы и, как ни странно, получил.

– Так так, – сказал он, – Мендель Шлёмыч Франкенштейн по паспорту?

– Да-с! Что, без вопгосов не видать? Перевётгыш в фогме! – недовольно отреагировал допгашиваемый – Одесса-мама! Кгасноярск – папа! Пгоездом по делам фигмы! Выпимши мы! А где тут пи-пи? На забог?

– Вопросы задаю я! – поставил на место лояльного гражданина ментяра с лицом младенца.

– На месте Эйфелевой башни была яма, в которую сваливали тгупы гугенотов... А что было на месте Летнего Сквега? Вы не знаете!

– Когда? То у них яма, то – канава! Могг навегное! Что тут могло быть на месте? Тут везде был морг! И везде кого-нибудь сваливали! Ямы тоже везде были! Хотя ни гугенотов, ни енотов не припомню. Жлобы тут жили!

– Нет, теперь там высится железный член! А здесь был морг, говогите? Вот беда! А что будет, по-вашему?

Милиционер, убедившись в полной лояльности пушкинской обезьяны, отбыл, а примат в шляпе аккуратно завернул паспорт в клеёнку, поплевал на неё для верности и засунул клеёнку в задний карман брюк. После этого он принялся читать газету, держа её, как всегда – вверх ногами и причмокивая гениальными эфиопскими губами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.